

Кантемир Антиох Дмитриевич

**Сочинения князя Антиоха
Дмитриевича Кантемира**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А72

А72 **Антиох Дмитриевич К.**
Сочинения князя Антиоха Дмитриевича Кантемира / Кантемир Антиох Дмитриевич – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 134 с.

ISBN 978-5-519-88058-9

ISBN 978-5-519-88058-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ АНТІОХА ДМИТРІЕВИЧА

КАНТЕМИРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.

1836.

Печатано съ изданія 1762 года.

Примѣчаніе. Всѣ заимствованныя нами примѣчанія изъ прежняго изданія
отмѣчены знакомъ †

ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ

КНЯЗЯ АНТІОХА ДМИТРІЕВИЧА

КАНТЕМИРА. (*)

»Матеріалы для жизни художника — одни его произведенія : будь онъ музыкантъ, стихотворецъ, живописецъ; въ нихъ найдете его духъ, его характеръ, его фیزیогномію; въ нихъ найдете даже тѣ происшествія, которыя ускользнули отъ метрическаго пера историковъ.«

Сиб. Базъ.

Кн. Вл. Одоевскій.

Фамилія Кантемировъ ведетъ начало свое отъ Татаръ Крымскихъ (1). Предокъ ихъ переселился въ первой половинѣ XVI вѣка изъ Крыма въ Молдавію и принялъ тамъ святое крещеніе; а первый, называвшійся Кантемиромъ, былъ Константинъ, Князь Молдавскій. Сынъ его Князь Дмитрій былъ отецъ нашего писателя, а мать

Антіоха изъ фамиліи Князей Кантакузеновъ.

Въ 1710 г. Ахметъ III предложилъ Князю Дмитрію Кантемиру Княжество Молдавское и титуло Господаря. Тонкій политикъ, образованный и властолюбивый вельможа, Дмитрій Кантемиръ не вдругъ принялъ даръ Султана: онъ хотѣлъ обезпечить права свои

(*) Всѣ подробности о жизни Князя Кантемира заимствованы нами изъ прежняго изданія его сочиненій и *д-р Аббата Веллти*, друга Авпора.

не на титуло только, но и на независимость своего державства и вступить въ условія съ Портою. Война, которою Россія въ то время грозила Турціи, побудила Султана согласиться на многія требованія новаго Господаря, и онъ уволилъ его отъ платежа извѣстныхъ даровъ, которые обыкновенно приносились Господарями Великому Визирю и Портѣ.

Князь Кантемиръ, видя сколь важны были для Порты при тогдашнихъ обстоятельствахъ его просвѣщенный умъ и та народность, кою пользовался онъ въ своемъ отечествѣ, началъ помышлять объ укрѣпленіи своей власти въ Молдавіи. Независимость края отъ чуждаго владычества и основаніе династіи блеснули въ умъ его. Онъ имѣлъ права на Молдавію: два Князя изъ его рода были ея Господарями.

Между тѣмъ споръ объ Азовѣ Петра съ Ахметомъ рѣшился войною спехъ Государей (2). Кантемиръ сначала тайно содѣйствовалъ Петру, потомъ нарушеніе нѣкоторыхъ условій Портою, позволило ему явно обнаружить непріязненные чувства къ Султану. Онъ въ 1711 году заключилъ въ Яссахъ договоръ съ Петромъ (3). Цѣль его была вѣчное и потомственное въ родѣ Кантемировъ обладаніе Молдавіею; но катастрофа Русскаго Царя при Прутѣ, уничтожила надежды Кантемира, и самъ онъ съ семействомъ едва спасся въ Русскомъ станѣ. Образованность Кантемира благоговѣла предъ Геніемъ - просвѣтителемъ Россіи, а Петръ издѣсь, какъ и вездѣ, не измѣнилъ своему величію. Главнѣйшее условіе заключаемаго перемирія съ Портою состояло въ выдачѣ Господа-

ря, но Петръ великодушно отказалъ въ томъ, соглашаясь скорѣе *уступить знатную часть своихъ владѣній, которую никакъ возвернуть можетъ, нежели измѣнить слову.*

Такимъ образомъ Кн. Дмитрій послѣдовалъ за Петромъ въ Россію, гдѣ былъ объявленъ Княземъ Имперіи, и получилъ отъ Государя право жизни и смерти надъ 6000 человѣками Молдавскихъ выходцевъ, и значительныя помѣстья въ Украинѣ.

Здѣсь образъ занятій его измѣнился: поприще его умственной дѣятельности ограничилось воспитаніемъ дѣтей своихъ. Образование Антіоха, родившагося въ Константинополѣ 10 Сентября 1709 г., началось въ Харьковѣ и продолжалось потомъ въ С. Петербургѣ. Первый наставникъ его, подъ руководствомъ отца, былъ Кондонди (4), родомъ Грекъ, бывшій потомъ Архіереемъ въ Россіи, и ему обязанъ Антіохъ тѣмъ глубокимъ знаніемъ древнихъ, которое видно въ его твореніяхъ.

Въ 1722 г. 13-ти лѣтній Антіохъ былъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ въ Персидскомъ походѣ, но образование его не прерывалось, только школа такъ сказать распространилась: край, политическія и торговыя его сношенія, нравы, естественныя произведенія, все это объяснялось ему просвѣщеннымъ родителемъ. Однакожь Антіохъ не долго пользовался его попеченіями. Возвратясь изъ похода, Князь Дмитрій скончался въ Сѣвскихъ своихъ помѣстьяхъ въ 1723 г. (5).

Чрезъ годъ по смерти отца, съ учрежденіемъ въ С. Петербургѣ Академіи Наукъ, Кн. Антіохъ Кантемиръ

началъ посѣщать академическія лекціи. Здѣсь образованность его приняла окончательную форму, и философія содѣлалась любимымъ его предметомъ. Онъ съ усердіемъ слушалъ лекціи этой науки у знаменитаго въ свое время Профессора Гросса, и сдѣлалъ въ ней большіе успѣхи. Этимъ юношескимъ трудомъ обязанъ онъ тѣмъ вѣрнымъ и глубокимъ взглядомъ, которыми отличаются его сочиненія.

Вскорѣ потомъ вступилъ онъ въ военную службу и дослужился до Оберъ-Офицерскаго чина въ Л. Гвардіи Преображенскомъ полку; но способности его по своему направленію призывали его на другое поприще. Онъ перешелъ въ гражданскую службу по дипломатической части. Сколь ревностно исполнялъ онъ возлагаемыя на него порученія—свидѣтельствуютъ пожалованныя ему Императрицею Анною Іоанновною 1000 д. крестьянъ, ибо наследникомъ въ отцовскомъ имѣніи былъ утвержденъ старшій братъ его Константинъ (6). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ Министромъ къ Великобританскому Двору для возобновленія добраго согласія между обѣими Державами. Онъ прибылъ въ Лондонъ въ началѣ 1732 г. Въ короткое время онъ устроилъ дѣла такъ, какъ желали того оба Двора, и Лордъ Форбесъ, въ слѣдствіе того, былъ назначенъ Полномочнымъ Министромъ въ С. Петербургъ. Кантемиръ опредѣленъ тѣмъ же качествомъ въ Лондонъ.

Между тѣмъ Франція съ неудовольствіемъ смотрѣла на союзъ, заключенный въ 1754 г. между Россією и Австрією противъ Османской Пор-

ты, а еще болѣе завидовала успѣхамъ Русскаго оружія въ Турціи, подъ предводительствомъ Миниха. Но какъ Австрія чрезъ посредство Франціи заключила особый миръ съ Турками то и нашъ Дворъ не хотѣлъ продолжать завоеваній и склонялся на сдѣланныя ему предложенія, вступилъ въ негоціаціи.

Въ то же время Французское Правительство имѣло въ Лондонѣ переговоры съ Княземъ Кантемиромъ, который успѣлъ согласить его послать Министра въ С. Петербургъ; по поводу чего самъ онъ въ 1758 г. назначенъ былъ во Францію въ качествѣ Полномочнаго Министра, и произведенъ въ Каммергеры.

По пріѣздѣ въ Парижъ въ Сентябрѣ того года, исходатайствовалъ онъ себѣ противъ церемоніала того времени непосредственную аудіенцію, и въ послѣдствіи успѣлъ привести къ благополучному окончанію негоціаціи о мирѣ съ Турціею, при которомъ Франція была посредницею. Въ продолженіи сего времени Маркизъ де Лашетарди отправленъ Посломъ въ Россію, а Кантемиръ взаимно опредѣленъ Чрезвычайнымъ Посломъ при Французскомъ Дворѣ.

При всѣхъ бывшихъ по кончинѣ Императрицы Анны Іоанновны перемѣнахъ, Кантемиръ умѣлъ такъ благоразумно вести себя, что остался въ равной милости, какъ у Правительницы, такъ и у Императрицы Елисаветы Петровны. Первая произвела его въ Тайные Совѣтники, а вторая утвердила его въ этомъ чинѣ.

Въ Парижѣ свободное время отъ должности онъ посвящалъ наукамъ и

Поэзіи, и занимался ими не для того, чтобы щеголять знаніями въ суетномъ кругу ученыхъ женщинъ или Академиковъ: онъ любилъ науки для наукъ, поэзію для поэзіи—рѣдкое качество, истинный признакъ великаго ума и прекрасной, сильной души!» (*)

Онъ былъ знакомъ со всѣми Парижскими учеными и литераторами своего времени; нескрѣпленными его пріятелями были Аббатъ Гуаско и знаменитый Президентъ Монтескьё. Съ ними дѣлилъ онъ свободное отъ всѣхъ занятій время, и бесѣды ихъ были всегда занимательны.

Съ 1740 г. почувствовалъ онъ желудочные припадки, которые часъ отъ часа усиливались. Въ 1741 году, по совѣту Доктора Жандрона, ѣздилъ онъ къ Ахенскимъ цѣлительнымъ водамъ, отъ коихъ получилъ облегченіе: равно какъ отъ лекарства знаменитой дѣвизы Стивенсъ, употребленнаго имъ по совѣту того же медика.

Лѣтомъ 1745 года поѣхалъ онъ къ Пломбьерскимъ водамъ, но будучи не въ состояніи ими пользоваться, возвратился въ Парижъ, гораздо въ худшемъ положеніи нежели прежде. Съ этого времени болѣзнь его начала усиливаться: открылась лихорадка и кашель. Друзья его совѣтовали ему перемѣнить климатъ и ѣхать въ Италію. По ихъ совѣту Кантемиръ просилъ позволенія провести зиму въ Неаполѣ, но прежде нежели получилъ на то разрѣшеніе отъ Двора своего, болѣзнь его усилилась до такой степени, что

онъ не могъ уже предпринять этого путешествія.

Около полугода Кантемиръ страдалъ жестокою болью въ груди, но самъ не предвидѣлъ опасности. Однажды, одинъ изъ друзей, неоставлявшій его во всю болѣзнь, читая вмѣстѣ съ нимъ Цицероново разсужденіе о дружбѣ, и то мѣсто, гдѣ говорится о взаимныхъ должностяхъ друзей, рѣшился открыть ему опасность, въ которой онъ находился. Кантемиръ не смутился и искренно благодарилъ его за это доказательство истинной дружбы и просилъ сохранить ее къ нему до самой смерти. Прекрасный примѣръ твердости душевной и чистой совѣсти! Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно имя этого друга, который такъ хорошо понималъ свою обязанность.

Послѣдніе дни своей жизни Кантемиръ посвятилъ обязанностямъ Христіянина. Исповѣдавшись, онъ слушалъ въ домовоѣ своей церкви литургію въ день Св. Пасхи и пріобщился Св. Тѣла. На другой день также былъ у обѣдни, но на третій уже былъ не въ состояніи приказать нести себя въ церковь.

Въ Субботу на Святой недѣли, 11 Апрѣля 1744 г., около шести часовъ вечера онъ почувствовалъ приближеніе смерти, и съ крестнымъ знаменіемъ и именемъ Христа на устахъ, скончался 34 лѣтъ и 7 мѣсяцовъ отъ рожденія. Причиною смерти его была водяная въ груди.

Въ оставленномъ имъ духовномъ завѣщаніи онъ приказалъ, чтобъ тѣло

(*) Батюшковъ.

его, по вскрытіи, было бальзамировано и отвезено въ Россію, для погребенія въ томъ же монастырѣ, гдѣ положенъ отецъ его (7).

Въ обращеніи своемъ съ перваго взгляда Кантемиръ казался непривѣтливъ, даже суровъ; но чѣмъ ближе знакомились съ нимъ, тѣмъ нечувствительнѣе казался этотъ недостатокъ. Причиною мрачнаго его нрава были долговременныя болѣзни; но съ друзьями онъ былъ не только веселъ, но любезенъ и остръ. Онъ часто говаривалъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ употреблять знатность и силу на добро ближнему, — и всегда самъ поступалъ такъ.

Кантемиръ свободно изъяснялся по-Молдавански, по-Латинѣ, по-Италіянски, по-Французски и по ново-Гречески, и сверхъ того зналъ древній Греческій, Испанскій и Англійскій языки.

Изъ сочиненій его извѣстны: *Симфонія* или Конкорданція на Псалмы Давыдовы, изд. въ 1727 г., заключающаяся въ сводѣ по азбучному порядку всѣхъ стиховъ Псалтыря, для удобнѣйшаго присканія текстовъ; *Сатиры*, *Оды*, *Басни*, *Посланія* и *Эпиграмы*, нынѣ нами издаваемые. Сверхъ того онъ оставилъ неокончанную поэму *Петреиду*, которая, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна; старанія наши достать ее остались тщетны. *Эротическія тѣсни*, въ молодости имъ сочиненныя, только потому извѣстны, что Кантемиръ самъ съ сожалѣніемъ упоминаетъ объ нихъ въ своихъ сатирахъ.

Изъ переводовъ въ стихахъ:

1. *X Посланій Гораций*, 1-й книги (нынѣ издаваемые).
2. *Оды Анакреона* (неизд.)

Въ прозѣ:

1. *Фонтенеловы разговоры о множествѣ міровъ* (напеч.)
2. *Юстинова Исторія*.
3. *Корнелій Непотъ*.
4. *Таблица Кевита*.
5. *Персидскія письма*.
6. *Нравоученіе Эпиктета*.
7. *Разговоры Альгаротти о Свѣтъ*.

неизданы.

Теперь постараемся изслѣдовать достоинство Кантемира въ литературѣ, опредѣлить, сколько можемъ, заслуги, его въ нашей словесности, и по мѣрѣ силъ нашихъ, показать дипломатическія его дарованія.

Но прежде мы должны представить себѣ картину той эпохи нашего отечества, въ которую онъ дѣйствовалъ. Эпоха эта достойна вниманія Россіи, достойна пера искуснѣйшаго, нежели наше и предѣловъ обширнѣйшихъ нежели предисловіе.

Кантемиръ является писателемъ въ 1725 году. Это время было колыбелью нашего просвѣщенія, время великое по тѣмъ начинаніямъ Петра, которыя приходили уже въ исполненіе, обильное геніемъ Преобразователя, богатое великими умами почти по всѣмъ частямъ гражданской, политической образованности, но едва ли не бѣднѣйшее, едва ли не бесплоднѣйшее для словесности. Съ принятіемъ Россіею Европейскаго костюма, Славянская литература (почти вся церковная), если не исчезла совершенно, то быстрыми шагами приближалась къ своему концу, а Русская еще не родилась, — скажемъ болѣе, Русскаго языка еще не существовало. Множество предметовъ, до толѣ неизвѣстныхъ въ Россіи и заимствованныхъ у иностранцевъ, требо-

вали наименованій. Богатый Славянскій языкъ, какъ упрямый старикъ, упорно отказывалъ въ нихъ прищельцамъ. Отъ этого произошла та уродливая смѣсь иноземныхъ и Славянскихъ выраженій, которыми испещрены ново-русскія книги того времени, смѣсь, которая потомъ превратилась въ нѣкоторый родъ щегольства, вредный для хорошаго вкуса и пагубный для вкуса еще необразовавшагося. Въ чемъ заключалась тогда наша Словесность? — Въ стихотворномъ предложении псалтыри Симеона Полоцкаго, въ двухъ, трехъ драматическихъ піесахъ духовнаго содержанія, въ родѣ мистерій, и въ нѣсколькихъ церковно-полемическихъ сочиненіяхъ Θεοφана Прокоповича и Стефана Яворскаго, да въ плодovitыхъ виршахъ Іоанна Максимовича, надъ которыми такъ остроумно смѣется Кантемиръ въ своей Сатиры. Вотъ все ея богатство; вотъ состояніе ново-Русской литературы первой части XVIII вѣка.

Просвѣщеніе общественное было неблистательнѣе Словесности. Общество, гдѣ все тогда кнѣло жизнью предъ геніальною волею Петра, гдѣ всѣ элементы находились въ броженіи отъ непрерывныхъ столкновений стараго съ новымъ, общество было дѣятельно, но образованность была безсильна, хотя и ободрялась могущественнымъ покровительствомъ Монарха. Возвратившіеся изъ чужихъ краевъ молодые Русскіе путешественники, не составляли и сотою доли публики. Притомъ съ возвратомъ ихъ, она хотя и ожидалась, хотя просвѣщеніе и примѣтно возрасло по наружности, но въ домашней жизни оно скрывалось, таилось

столь же упорно, какъ и прежде. Новая образованность боролась съ старыми предразсудками, но предразсудки эти были предразсудки отцевъ, и часто молодые люди, смѣясь внутренно надъ невѣжествомъ, изъ почтенія къ родителямъ, изъ сыновней любви наружно мирились съ нимъ. Гдѣ-жъ общественная образованность, когда источникъ свѣтской любезности — семейная жизнь, погружена во мракъ невѣжества?

На балахъ, на вечерахъ, дававшихся по Указу, видны были кое-гдѣ ревнители образованности: тамъ только было открытое поприще для ихъ любезности. Но тамъ же, и въ большемъ количествѣ, были и обритуе старовѣры, приверженные ко всему старому и страшившіеся всякаго нововведенія. Любопытна была эта смѣсь. Занимательна встрѣча двухъ поколѣній: стараго, съ недоувѣрчивостію взиравшаго на новое, и новаго, съ дерзостію глядѣвшаго на старое. Замѣтьте, что женщины не одушевляли этихъ собраний. Онѣ находились въ нихъ, но всегда составляли отдѣльный кругъ, особое общество, — *status in statu* — и сходились съ мужчинами только въ торжественныхъ круговращеніяхъ менуэта.

Между тѣмъ въ С. Петербургѣ учреждалась Академія Наукъ. Великій Петръ — *сей Русскій полу-богъ* — неутомимо преслѣдуя великую цѣль преобразования, выписалъ для нея достойныхъ Профессоровъ, и въ 1724 году Бернулли, Бильфингеръ, Бейеръ, Гроссъ открыли курсъ своихъ лекцій.

Молодые люди, одни изъ угожденія Монарху, другіе изъ любви къ наукамъ, начали посѣщать ихъ. Въ числѣ

последнихъ былъ пятнадцатилѣтній Кантемиръ. Съ какимъ жаромъ, съ какимъ усердіемъ предался онъ наукамъ! Удаленный отъ шума свѣта, съ какою любовію дѣлилъ онъ время между мертвыми Греками и Латинами! Изслѣдованіе причинъ и дѣйствій природы, по собственному его признанію, составляло всѣ его желанія.

Черезъ годъ послѣ того, будучи 16 лѣтъ отъ рода, предпринялъ онъ сочиненіе *Симфоніи или Конкорданцій на псалмы Давидовы*, которое и издалъ въ 1727 году. Трудъ этотъ заслуживаетъ особенное вниманіе, какъ доказательство постояннаго прилежанія, необыкновеннаго въ подобномъ возрастѣ. По совершеніи этого труда можно было бы впередъ опредѣлить систематическое и точное направленіе его гения; но это одно не составляетъ еще достоинства Кантемира.

Глубоко изучивъ нашего писателя, мы смѣло можемъ назвать Кантемира философомъ, поэтомъ и политикомъ; но прежде нежели мы разовьемъ это предложеніе, посмотримъ какія онъ имѣлъ средства, и кто служили ему образцами.

Изъ вышесказаннаго мы видѣли въ какомъ положеніи тогда находилась Словесность. Кантемиръ смѣлою ногою сталъ на рубежѣ двухъ ея эпохъ: принадлежа по формѣ силлабическихъ стиховъ своихъ къ вѣку Максимовичей и Яворскихъ, онъ по языку принадлежитъ уже новой школѣ, которой окончательную форму далъ гений Ломоносова и Карамзина. Онъ первый въ Россіи осмѣлился писать какъ говорили. Заботясь не только объ очищеніи искаженнаго тогда языка, но о

самомъ благозвучіи стиховъ своихъ, онъ блистательно успѣлъ въ своемъ предпріятіи: его силлабическій стихъ часто звучитъ роскошными звуками Греческаго метра. Читая его Предисловіе къ Симфоніи, написанное на полу-Славянскомъ и полу-Русскомъ языкѣ, не вѣришь, чтобъ одинъ и тотъ же писатель и въ столь короткое время (1727 — 1729) могъ усовершенствоваться, или лучше сказать, пересоздать языкъ свой до благозвучности этихъ стиховъ:

Трижды строилъ лиру я, и дрожащи
перелы
Трижды на струны навелъ, и уста от-
версты
Готовили тебѣ пѣснь; трижды раздѣ-
ляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ выш-
няго края
Небесъ бѣлокурый богъ!...

Справедливость требуетъ однакожъ сказать, что слогъ Кантемира не вездѣ столь чистъ и благозвученъ, какъ въ приведенномъ отрывкѣ. Но могъ ли онъ сдѣлать болѣе? Долго ли былъ онъ въ Россіи? Съ 12-ти лѣтняго возраста въ походахъ въ Персію, съ 14 лѣтняго въ полу-русскомъ тогда Петербургѣ, съ 22-хъ лѣтняго за границей. Всего на все восемь лѣтъ въ Россіи! Но онъ понялъ гений языка Русскаго; въ этомъ удостовѣряетъ письмо его о сочиненіи Русскихъ стиховъ. Онъ первый даже постигнулъ возможность стиховъ Русскихъ стопою безъ рифмъ, — вотъ примѣръ:

Христѣ, любви пламень, единъ еси
Вышняго сыне.

Но какихъ трудовъ стоило ему обрѣтеніе языка, видно изъ примѣчаній

его къ посланіямъ Горація, имъ переведеннымъ. Переводя этотъ стихъ Тибурскаго пѣвца: *me ipse regam solerque elementis*, Кантемиръ *elementis* перевелъ *начальнѣйшіе законы*. «Элементы, говоритъ онъ, суть первыя «наставленія, *начала* какой-либо науки, «которую рѣчь мы въ нашемъ языкѣ «не имѣемъ, для того я употребилъ: «начальнѣйшіе законы.» — Прекрасное, и получившее въ наше время право гражданства въ языкѣ, слово: *начала*, было на устахъ Кантемира, но показалось ему недостаточнымъ. Онъ предугадалъ его, но употребить не осмѣлился и замѣнилъ его перифразисомъ. «Вѣдаю, продолжаетъ онъ, что то Латинскому не соответствуетъ, да не «знаю *глаголъ* пособить.»

Однакожь если Кантемиръ [вполнѣ] постигнулъ гений Русскаго языка, для чего же избралъ силлабическій стихъ, столь намъ несвойственный? Для чего, подобно Ломоносову, не создалъ звуковыхъ, метрическихъ строевъ? — Мы должны признаться, что предлагая эти вопросы, мы превзошли наши права, но въ отвѣтъ сказать можемъ, что Кантемиръ не имѣлъ довольно для того времени. Жизни человѣка, вполнѣ себя посвятившаго литературѣ, едва было бы достаточно для такого труда, а нашъ Сатирикъ, какъ самъ говоритъ, посвящалъ литературѣ только свободныя часы, которыхъ у него было не много.

Но если въ языкѣ Кантемира имѣлъ весьма скудныя средства, за то въ образцахъ обладалъ рѣдкимъ богатствомъ. Имѣя основательныя познанія въ древнихъ и многихъ новѣйшихъ языкахъ, какой обильный источникъ

образцовъ во всѣхъ родахъ представлялся глазамъ его! Классическая литература Грековъ и Римлянъ была ему вполнѣ знакома. Мы видѣли отрывки переводовъ его изъ Омира, онъ предложилъ и Анакреона. Въ другихъ родахъ Виргилій, Ювеналь, Плавтъ, Сенека служили ему образцами; но любимыи поэтъ его былъ Горацій. Въ сатирахъ, въ пѣсняхъ, въ посланіяхъ Кантемира, вы вездѣ найдете что нибудь Гораціанское, — или отдѣльную мысль, или слово, или уподобленіе. Но это происходитъ не отъ недостатка творчества, а отъ сходства положеній. Оба при Дворахъ просвѣщенныхѣйшихъ народовъ, каждый своего времени, одинъ при своемъ, другой при чужестранномъ, оба философы, оба сатирики, оба равно любящіе науку: разница въ частностяхъ жизни — и она отразилась относительно въ твореніяхъ каждого. Притомъ Горацій учитель, Кантемиръ ученикъ: мудрено ли что онъ часто глядѣлъ глазами учителя?

Въ числѣ образцовъ Кантемира находимъ обильные источники Англійской, Италіанской, Французской словесности. Ренье, Буало, Аріосто и Попе ему равно были знакомы. И если у древнихъ заимствовалъ онъ любовь къ философіи, то новѣйшимъ обязанъ онъ своею колкою и язвительною насмѣшкою надъ лицемеріемъ нѣкоторыхъ духовныхъ особъ своего времени.

Философія Кантемира очень проста: люби уединеніе для наукъ, люби науки для добродѣтели и люби добродѣтель для человѣчества. Вотъ главный основанія его философіи, взятой отъ